

Юрий Антонов: «Никогда не был придворным музыкантом»

Вот так, не примыкая к «тусовкам», и дожил известный певец и композитор до собственного 50-летия...

Популярность пришла к нему где-то с середины 70-х годов. Редкий день проходил, чтобы в эфире не звучали его песни — «Под крышей дома твоего», «Вот как бывает», «На улице Каштановой», «Море», «Гляжу в тебя, как в зеркало»...

Публика сразу полюбила Юрия Антонова. Полюбила его негромкий, с легкой хрипотцой, с этакой разговорной «небрежной» голос... А вот среди коллег (я, тогда юный музыковед, служил в Союзе композиторов и наблюдал ситуацию, что называется, с близкого расстояния) музыкант встретил далеко не восторженное отношение. Что послужило тому причиной? Профессиональная ревность? Стремление оберечь цеховые интересы?

Все так, но ведь и в те годы продолжали принимать в СК новых членов, давали зеленую улицу кое-кому из молодежи — в том числе действительно талантливым людям: например, Евгению Мартынову, Максиму Дунаевскому... Чем же отличался от них Юрий Антонов, чем не потрафил он законодателям официальных музыкальных вкусов?

А вот именно тем — своей неприязнательностью. Казалось, любой так поет, как он, — стоит взять в руки микрофон, чуть-чуть расслабиться, улыбнуться характерной «бывалой» улыбкой... На самом деле ученые мужи от музыки, конечно же, где-то в глубине души отдавали себе отчет, что именно не «любой так поет», что за внешней простотой этих песен — огромная стихийная музыкальность, профессиональный опыт их создателя. Коллеги безошибочно, шестым чувством угадали, что вместе с Антоновым в отечественную песню приходит нечто новое: она перестает «возвышаться» над слушателем, «поучать», «воспитывать», «призывать»; наоборот — становится как бы вровень с ним.

— И так, вашу карьеру вы начали с этакого музыкального оппозиционности. Однако время помогает выявить подлинную пропорцию вещей, и из нынешнего «далека» ваши тогдашние опыты выглядят как чуть ли не прямое продолжение традиций советской песни. Смотрите, вы ведь даже поэтов себе в соавторы выбирали в основном тех же, что и ведущие советские композиторы-песенники: Виктора Дюнина, Михаила Танича, Михаила Пляцковского, Игоря Шаферана, Михаила Рябинина, Леонида Фадеева, Сергея Алиханова...

— Да, вы правы, мои песни действительно опираются на ту традицию, где главным достоинством музыки являлась мелодия. Особое уважение питаю к Марку Фрадкину, которого считаю гениальным мелодистом, к Тихону Хренникову (его песни из фильма «Верные друзья» — это же потрясающе!)...

— Хотя, я знаю, с самими авторами, «боссами» тогдашнего Союза композиторов, у вас сложились непростые отношения.

— А это разные вещи: музыка и человеческие отношения. Да, на приеме в Союз меня несколько раз «прокатывали», но это никак не повлияло на мое профессиональное отношение к старшим коллегам как к музыкантам. В этом смысле я, мне кажется, был к ним более объективен, чем они ко мне.

— Но ведь в конце концов вас приняли в Союз.

— Да — в прошлом году.

— Только лишь? А зачем вам сейчас-то это надо — когда от былых привилегий не осталось и следа, материальных же благ Союз композиторов своим членам не может предложить никаких?

— А мне никогда от него ничего и не нужно было — в материальном плане. Песню ведь за меня Союз не напишет — правильно? Аранжировку не создаст. Ну а без льготной, «шаровой», как говорят музыканты, путевки в дом творчества я как-нибудь обойдусь — всю жизнь привык платить за себя сам.

— Но, может, вас привлекала творческая марка члена профессиональной композиторской организации?

— А это безусловно.

— Стало быть, вы теперь представляете отечественного композиторского истеблишмента. Как вы, с высоты этой вашей сегодняшней позиции, прокомментируете суждение (его нередко приходится слышать), что-де «советская песня умерла»? Что, скажем, «Широка страна моя родная» — произведение, не созвучное эпохе, а оттого навсегда потерявшее и художественную, музыкальную ценность...

— Те, кто так говорит, — бедолажки. Они не понимают, что происходит. Их, наверное, раздражает само сочетание слов «советская песня». Я, кстати, тоже не поклонник его — по крайней мере к моим песням, считаю, оно не имеет отношения: при чем тут определение «советский»? Песня может быть веселой или грустной, детской или взрослой, задумчивой или танцевальной... Но, в конце концов, дело не в названии. А в том, что не может потерять ценность талантливая мелодия — она всегда сохраняет свое воздействие на слушателей, независимо от того, в какой политической ситуации она создавалась.

— Вы сказали: «Они не понимают, что происходит». Ну так что же,

собственно, происходит?

— А вот что. Все те «крутые» направления в музыке, которые были у нас искусственно введены в моду несколько лет назад, сегодня теряют приверженцев. Помните, когда-то на концерт «монстров рока» — их привозил Стас Намин в Москву — ломались, потому что это было в диковинку. Но сегодня ставки подобной музыки пошли резко вниз. Имеют успех, вырываются вперед только те, кто пишет нормальную, хорошую мелодию, с легкими элементами джаза. Это интересует слушателей куда больше, чем, скажем, рэп, который был откровенно навязан нашей поп-музыке, но столь же откровенно и отвергнут публикой.

— То есть вы готовы поддержать точку зрения критиков рок-музыки, которые утверждают, что никакое это не выражение социального протеста (как принято было говорить еще недавно), а, напротив, выход демонических, темных сил человеческой психики на поверхность?

— Ну я бы, может, и не стал судить так резко. Вкусы людей очень разные: существуют поклонники рока, и на здоровье, пусть они его слушают. Оттого нигде еще в мире ни демократический строй не рухнул, ни магазины не опустели. Конечно, случаются на концертах какие-то инциденты местного значения: кто-то, допустим, слишком много граммов на грудь принял, кому-то повредили лицо. Ну так на то есть милиция и прочие стражи порядка. Не надо осуждать музыку за то, в чем она не виновата. И потом уверен: пройдет немного времени, 18-летние повзрослеют и сами отойдут от рока (за исключением истинных фанатов, но таких всегда небольшое количество). Рок в России вообще не может привиться широко. Здесь строй жизни, ценности совсем другие по сравнению с Западом.

— А вы сами роком никогда не занимались?

— Нет, я начинал как джазмен. Играл на фортепиано, руководил диксилендами. Сполна испытал на себе, что значит принадлежать к музыкальному направлению, которое объявляется нежелательным.

— Вы считаете, художник, артист не должен испытывать сопротивления среды?

— То, которое создается искусственными запретами, — не должен. Никто не вправе поучать музыканта, что ему писать и как исполнять. Единственный вид фильтра, который должен пройти артист, — это фильтр вкуса публики: интересен он ей или нет.

— А лично вам под давлением той самой «среды» приходилось изменять себе, собственным склонностям?

— Нет, никогда. Именно поэтому я и ощущал на себе давление. Именно поэтому не желаю испытать ничего подобного своим младшим коллегам. И поэтому же я теперь никогда не беру на себя ответственность судить о другом музыканте: плохо то, что он делает, или хорошо. Могу только сказать — профессионально это или непрофессионально.

— Но себя-то оцениваете, судите? Скажем, были ли моменты, когда вы чувствовали полное удовлетворение, счастье от сделанного на эстраде?

— Такое удовлетворение приносит хорошо проведенный концерт. Но истинное счастье я испытал, когда вышли мои первые пластинки. Тогда ведь это было почти чудом. Музыкант, не состоявший в Союзе, не мог выпустить гигант. Миньон — пожалуйста, а гигант — нет. Союз композиторов просто не включал тебя в рекомендательные списки, которые он регулярно направлял на фирму «Мелодия». Поэтому первый мой «лонгплей» пришлось выпустить в Югославии.

— Что-нибудь из репертуара тех лет у вас сохранилось?

— Все сохранилось. У меня нет привычки выбрасывать свои песни в корзину.

— Но ведь у артиста не все одинаково ярко, даже у общепризнанных звезд — как у Пугачевой, например.

— Пугачева прежде всего певица, я прежде всего композитор, тут есть определенная разница.

— Хотите сказать — «рукописи не горят»? Ну а сделанное кем-либо из ваших коллег способно вызвать у вас бурный восторг, восхищение?

— В России? Нет, пока ни один не доставил мне такой радости.

— А если говорить о западных музыкантах?

— Фил Коллинз, Стинг, Джо Кукер, Пол Маккартни и другие — там много великолепных профессионалов.

— Всегда считалось признаком хорошего тона называть в подобию ряду группу «Битлз» или, скажем, Элвиса Пресли.

— Нет, те, кого я называл, волнуют меня сегодня больше.

— А знакомо ли вам чувство возмущения от чьего-либо скверного выступления — так, чтобы публично выражать негодование, брызгать слюной?..

— Ну зачем же брызгать? Это ведь к тебе же может потом рикошетом вернуться...

— И так, эстрада — по крайней мере отечественная — редко приносит вам радость. Возможно, вы находите душевное отдохновение

в классической музыке? Скажем (воспользуюсь расхожей формулой), любите ли вы Брамса?

— Я недостаточно глубоко знаю его творчество, чтобы ответить на ваш вопрос.

— Что ж, спасибо за откровенность. Хотя, боюсь, таким ответом вы вызовете шикание среди эстетов.

— А мне не привыкать. Просто я не очень верю попсовикам, которые заявляют, что на досуге они только и делают, что слушают симфонии. Это, скорее всего, говорится, чтобы «лицо не потерять». А спросите его — ну хорошо, какую симфоническую музыку вы любите? Он начнет лихорадочно вспоминать, и первой, конечно, вспомнит фамилию Чайковского. А вы не отставайте, поинтересуйтесь: что именно из Чайковского нравятся. Тут ему, ручаясь, станет совсем плохо...

— Ну вы уж какую-то беспрочно мрачную картину нарисовали. Сами-то, я думаю, к Петру Ильичу неплохо относитесь.

— Не просто неплохо. Лично для меня это один из самых выдающихся композиторов-лириков — а я люблю в музыке (любой — песенной, симфонической) прежде всего лирику. Свиридов нравится — чисто русский композитор, что-то в нем есть глубинное, исконное. Некоторые произведения Шопена производят впечатление — те, где есть мелодия, я же мелодист, мне мотив в музыке под-ай...

— Иными словами, классику на досуге вы редко слушаете. А что в свободное время делаете?

— У меня его почти нет. Ну, газеты просматриваю. В том числе, кстати, и «Труд».

— А просто там отдохнуть, видео посмотреть — детектив или, скажем, старое советское кино?

— На это времени совсем нет. Если уж я решил устроить себе отдых — выкраиваю недельку-другую и еду за границу.

— Где останавливаетесь, у друзей?

— Нет, в гостинице — где-нибудь поближе к морю.

— Ясно, любите независимость... А если настроение неважное, что делаете? Ставите любимую песню? Знакомым звоните?

— Ничего не делаю. Настроение как пришло, так и уйдет.

— А в храм сходить, свечку Богу поставить — не помогает?

— Очень даже помогает. Иногда бывает такая потребность — это у меня издавна, когда еще моды на религию не было. Ну, конечно, обряды соблюдать регулярно не получается — а так, иногда, когда душа попросит...

— Наверное, при вашей любви к одиночеству существовать в мире эстрадной тусовки неуютно. Вон ведь какая свита окружает иных звезд. Вас, кстати, обычно не видно на концертах-«сборниках» или на телевизионных посиделках...

— А мне это неинтересно. Само слово «тусовка» меня раздражает. Я ни в какие времена не был придворным — ни при коммунистических боссах, ни при нынешних эстрадных звездах. И вокруг меня тоже нет тусовки — есть мои друзья, мои соратники, мои музыканты.

— Способны ли вы сделать факт личной жизни — например, экстравагантную женитьбу — поводом для рекламной кампании?

— Абсолютно исключено.

— Лелеете ли вы мечту, которая до сих пор не сбылась?

— Мечты — дело сугубо личное, о них вслух не говорю.

— Ну хорошо, не мечта, а, скажем, планируемый крутой поворот карьеры... Например, не возникало ли у вас желания сняться в большом кино?

— Нет, это меня не интересует.

— Или стать продюсером?

— Это ближе, хотя пока не пробовал.

— Поводом для сегодняшней нашей встречи стало ваше скорое 50-летие. Ну, заранее не поздравляют. Может, просто расскажете, как вы его справите?

— Ну, конечно, посижу с близкими. Но главное — 19 февраля должен состояться юбилейный концерт в зале «Россия».

— Там прозвучат новые или уже известные вещи?

— Известные. У меня все вещи хорошо известные.

Вел беседу
Сергей БИРЮКОВ.
Фото ИТАР—ТАСС.